

А. В. Кулагин

Из комментария к наброску «Под каким созвездием...»

Под каким созвездием,
Под какой планетой
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшей
В тишине небес.
/II, 447/

Этот пушкинский набросок почти не привлекал внимания исследователей. В редких же исключениях интерес к нему оказался узко специальным: так, если М. П. Алексеев обращался к нему с точки зрения пушкинских знаний в области астрономии¹, то С. М. Бонди подошел как стиховед². Между тем набросок, как и любой пушкинский текст, нуждается в детальном комментарии. В данном случае нам представляется перспективным путь не только историко-литературного, но и биографического комментирования.

Набросок условно датируется 1825 годом. Первым такую датировку, с оговоркой «по всей вероятности», предложил публикатор наброска П. О. Морозов в 1916 г.³ Она была принята, тоже с оговоркой, в «большом» академическом издании. В «малом» академическом десятитомнике набросок включен в раздел стихотворений 1825 г. уже безоговорочно. Очевидно, у комментаторов были какие-то текстологические соображения, о которых они, к сожалению, умолчали. Мы будем исхо-

---

1. См.: Алексеев М. П. Пушкин: Сравнит.-историч. исследования Л., 1984. С. 62-63.

2. См.: Бонди С. о Пушкине: Статьи и исслед. Изд. 2-е. М., 1983. С. 385-386.

3. См.: Морозов П. Новые стихи Пушкина // Рус. слово, 1916. № 83. 10 апр. С. 2.

дить из этой датировки, тем более что она, как будет показано ниже, действительно не противоречит некоторым фактам творческой биографии поэта.

В течение двух михайловских лет Пушкин интенсивно работает над «Евгением Онегиным». В это время создаются центральные главы романа: четвертая, пятая, шестая. Важную роль в них играет образ Ленского: основные события, связанные с ним, разыгрываются именно в этих главах.

В шестой главе (1826) несколько строф посвящены поэтическим рассуждениям автора о возможной судьбе Ленского: «Быть может, он для блага мира, //Иль хоть для славы был рожден...» /VI, 133/ и т. д. Показательно авторское резюме:

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!
/VI, 134/

Поэтическая логика в этом фрагменте такова же, как в наброске «Под каким созвездием...»: сначала идет перечень возможных вариантов, а затем все они отстраняются перед лицом реальности. Подобные «перечни» вообще являют собой отличительную особенность пушкинской поэзии (см. «Полтаву», «Пир Петра Первого» и др.).⁴

Ниже, в седьмой главе, в тексте эпитафии Ленскому читаем: «Покойся, юноша-поэт!» (VI, 142). Герой наброска тоже был назван «юношей». Здесь уместно вспомнить и о своеобразной пушкинской прелюдии к теме Ленского — романтическом стихотворении 1821 г. «Гроб юноши».

Стиль наброска 1825 г. эклектичен: с одной стороны — фольклорная интонация, ритм, нарочитый предлог «аль», с другой — совсем не фольклорный «гороскоп», слова «планета», «юноша», «в тишине небес». В этой эклектике уже изначально заложена бесперспективность замысла для Пушкина с его тягой к органике. Эклектичность наброска одним из своих полюсов имеет ориентацию⁵ на явно романтический тип героя с несчастливой судьбой, обреченностью на раннюю

4. О поэтике пушкинских «перечней» см.: Пумпянский Л. В. Об исчерпывающем делении, одном из признаков стиля Пушкина //Пушкин: Исслед. и материалы. Т. X. Л., 1982 С. 207—215; Турбин В. Н. К проблеме стиля романа Пушкина «Евгений Онегин» //Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 27—36.

смерть. В этом смысле судьба «юноши» проецируется на судьбу Ленского.

Тем же 1825 годом предположительно датируется еще один пушкинский набросок:

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен (ты) как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был [ты у забора],
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты приведеньем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?
/II, 448/

В этом наброске иронически подчеркиваются традиционные качества романтического героя, поэта: бледность, «дикое вдохновенье». Высокая ситуация (это касается и любви, и творчества) переводится здесь в низкий, бытовой план. Это напоминает авторскую поэзию по отношению к Ленскому, романтическая приподнятость которого не раз подвергается в тексте романа иронической оценке.

По всей вероятности, оба наброска — «Под каким со звездием...» и «Что с тобой, скажи мне, братец...» — как бы проигрывают в разных стиливых плоскостях судьбу Ленского, сопровождают работу поэта над этим образом романа в стихах.

Мотив неудачной судьбы, «злостной звезды» нередко звучит в русских лирических песнях. В собрании М. Д. Чулкова обращают на себя внимание несколько таких песен, имеющих общий зачин:

Ах! талан ли мой, талан таков!
Иль участь моя горькая,
Ты звезда моя злостная,
Высоко звезда восходила...⁵

Сюжеты песен разнятся между собой, но некоторые из них объединены темой неволи. В одном случае речь идет о донском казаке, попавшем в плен к «султанскому величеству», в другом — о «добром молодце», сидящем в темнице, и т. д. В одной из песен девица говорит закованному молодцу:

---

5. Чулков М. Д. Соч. Т. 1. СПб., 1913. С 171-172, 191, 434 и др.

Не печалься доброй молодец!
Все оковы железные,
Они с ног твоих долой пойдут.
Как пойдем мы в чисто поле,
Что на устье синя моря...⁶

В другой песне — «Не былинushка в чистом поле зашаталася...» — поется:

Уж куды то я доброй молодец не кипуся:
Что по лесам, по деревням все заставы,
На заставах ли все крепки караулы;
Они спрашивают печатного пашпорта,
Что за красною печатью сургучевой.⁷

Нетрудно заметить в этих песнях ассоциации с положением самого Пушкина в 1825 г. Именно в тот год, а апреле, он предпринимает попытку вырваться из михайловской ссылки и уехать за границу. Предлогом был так называемый «аневризм». Новый замысел «поэтического побега» не удался. Кстати, в создаваемых, по мнению С. А. Фомичева, тогда же, весной 1825 г., «Песнях о Стеньке Разине» исследователь усматривает те же ассоциации с собственной судьбой поэта.⁸

Образ «звезды падучей» в стилизованном под народную песню наброске возник, надо полагать, под влиянием аналогичного фольклорного образа; тот же в свою очередь мог восприниматься поэтом по ассоциации с собственной судьбой. В пользу этой параллели говорят и такие детали в тексте песни, как «заставы», отсутствие «печатного пашпорта», стремление вырваться к «синю морю»; в 1825 г. все это было для поэта большой темой.

Но знал ли Пушкин в 1825 г. эти песни? Ведь первая часть песенного собрания Чулкова (изд. 1770 г.) появилась в пушкинской библиотеке, судя по надписи на книге, не ранее 1827 г.⁹ В том же году Пушкин приобрел все шесть частей дополненного Н. И. Новиковым издания этого собрания (1780).¹⁰ Однако работа над «Борисом Годуновым» (1825)

6. Чулков М. Д. Соч. Т. 1. С. 435.

7. Там же. С. 435-436.

8. См.: Фомичев С. А. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина: (История создания, композиция и проблематика цикла) //Пушкин: Исслед. и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 15-16.

9. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографич. описание) //Пушкин и его современники. Вып. IX—X. СПб., 1910. С. 114 (№ 421).

10. См.: Из архива Пушкина //Лит. архив. Т. 1. М.-Л., 1938. С. 39.

показывает, что с этим собранием поэт уже был знаком. Именно в нем обнаружил Г. О. Винокур источники песни Варлаама из пушкинской трагедии.¹¹ Наконец, эти или аналогичные песни Пушкин мог слышать в Михайловском от Арины Родионовны или крестьян.

Об интересе Пушкина к астрономии в связи с этим наброском писал М. П. Алексеев, на работу которого мы выше уже ссылались. Однако здесь речь должна идти не только об астрономии, но и об астрологии. В свое время В. Я. Брюсов увидел в наброске «намек на астрологические представления о влиянии звезд».¹² Упоминания планет действительно могли иметь для Пушкина конкретное смысловое наполнение. Легко найти в этом пушкинском перечне автобиографические аллюзии: например, в юности поэт мечтал стать военным («Марс»), а еще прежде, в детстве, его хотели отдать в иезуитский пансион, и тогда он оказался бы под «покровительством» Сатурна. В таком случае «падучая звезда» — это поэзия, выбранное в итоге поприще. Не исключено, что в минуты пессимического настроения — а в 1825 г. у поэта были именно так, тем более что как раз в 1825 г. Пушкин окончательно осознает свое предназначение: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» (XIII, 198, 542; ориг. по-франц.). (Снова возникает — уже в ином ракурсе — параллель с наброском о «братце», сочиняющем стихи).

Вообще же, представляя духовный и душевный облик Пушкина, его доверие к предсказаниям и приметам, нетрудно допустить искренний интерес поэта к астрологии, свойственный и многим его современникам. Но, возможно, в данном контексте значим не столько астрологический, сколько общепозитический смысл названий планет. Они создают своего рода «отрицательный фон» для главной мысли наброска, заключенной в пяти последних стихах. Их назначение здесь скорее «служебное», и вместо одних планет, наверное, могли появиться другие. Впрочем, не рискуя делать жесткие выводы на этот счет, отметим лишь необходимость изучения проб-

---

11. Винокур Г. О. «Борис Годунов» // Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VII (пробный). М.-Л., 1935. С. 500-501.

12. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. Ч. 1. М., 1919. С. 256 (комм. В. Я. Брюсова).

лем «Пушкин и астрология», ибо астрологические мотивы по раз звучат в его творчестве.

Так или иначе, пушкинский набросок оказывается открыт для автобиографического толкования. Но не противоречит ли оно тому, о чем говорилось выше: вероятной связи этих стихов с образом Ленского? Думается, нет. Во-первых, при всей «разности» между автором и его героем известные точки сближения у них есть, и это не раз отмечалось в пушкиноведении. Во-вторых, многие пушкинские произведения допускают неоднозначное толкование, ибо творческое сознание поэта нередко имеет различную ассоциативную устремленность. Может быть, для незавершенных набросков это особенно показательно, так как подобная «разновекторность» скорее вела к прекращению работы над ними. Это еще одно возможное объяснение незавершенности произведения.

Обратимся к композиции наброска. Противопоставление возможных вариантов и реальной судьбе юноши восходит здесь к фольклорному приему, который А. Н. Веселовский обозначил как «отрицательный параллелизм» — одну из разновидностей психологического параллелизма¹³. Необходимого для этого противопоставления состояния человека и природы в наброске, конечно, нет, но есть то, что в пушкинскую эпоху называлось отрицательным сравнением. Да и сама фольклорная стилизация вольно или невольно отсылает нас именно к этому приему, часто встречающемуся в народной лирике. Он есть, например, в песне, позже записанной Пушкиным:

Не белинька березанька к земле клонится,
Не камыш-трава во чистом поле расшаталася, —
Зашатался-загулялся добрый молодец...¹⁴

Сам поэт обращался к этому приему в «Братьях-разбойниках» и, что особенно важно для нас, в «Песнях о Стеньке Разине». Дело не только в том, что в Михайловском он интересуется фольклором, слушает и записывает народные песни. В 1825 г. в Петербурге вышла книга «Простонародные песни нынешних греков», включавшая переводы Н. И. Гнедича из одноименного французского сборника Фориэля (1824). В предисловии Гнедич излагает основные идеи Фориэля и высказывает собственные суждения. Среди прочего в тексте есть и

---

13. См.: Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913. С. 206—211.

14. Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 189.

такой пассаж: «Род [...] сравнений отрицательных, неизвестный древней греческой поэзии, составляет отличительное свойство нашей древнейшей поэзии, и высшей, и простонародной [...]. Они встречаются и во многих песнях греческих»¹⁵. Вопреки Фориэлю, видевшему в новогреческих песнях восточное влияние, Гнедич был склонен к мысли о влиянии славянском.

Пушкин познакомился с этим изданием и 23 февраля 1825 г. писал Гнедичу: «Песни Греческие прелесть и tout de force. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?...» (XIII, 145).¹⁶ Надо полагать, Пушкин обратил внимание и на фрагмент об «отрицательных сравнениях». Позже, в тридцатые годы, он выделил в плане статьи о русских песнях отдельным пунктом «Оригинальность отрица»¹⁷ или «отрицат»¹⁸. Среди различных конъектур этой строки наиболее убедительной считается «Оригинальность отрицательных сравнений»¹⁹. Стало быть, этот прием поэт считал важной отличительной особенностью народных песен. В 1825 же году чтение работы Гнедича могло стать дополнительным импульсом для пушкинского обращения к нему: не случайно М. К. Азадовский отмечал большое значение ее для Пушкина в теоретическом и в практическом, творческом смысле²⁰. Исследование С. А. Фомичева, на которое выше мы уже ссылались, показывает, что с чтением этой книги связано появление «Песен о Стеньке Разине».

На фоне заявленной в наброске фольклорной антитезы проступает парадоксальная способность незавершенного наброска восприниматься как законченное произведение. Здесь, в сущности, все уже сказано, нет лишь расшифровки ситуации. Сам же вопрос о «незавершенности» этим как бы снят.

---

15. Гнедич Н. И. Соч. Т. I. СПб., 1884. С. 232-233.

X. чудо мастерства (франц.)

16. Подробнее об этом см.: Азадовский М. К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. М., 1938. С. 34—36.

17. Рукою Пушкина. М.-Л., 1935. С. 437.

18. См.: Архангельская В. К. План статьи Пушкина о русских песнях // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. XXXIII: Вып. филологич. Саратов., 1953. С. 6.

19. См.: конъектуру М. К. Азадовского /указ. соч. С. 37/ и Б. М. Эйхенбаума /XII, 208/, а также уточнения В. К. Архангельской (указ. соч. С. 6) и Л. Скоковой (см.: Скокова Л. Об одном пушкинском черновике // Волг. лит., 1987. № 2. С. 181-182).

20. См.: Азадовский М. К. Указ. соч. С. 36.

В заключение — несколько слов о датировке наброска. Основные события, с которыми может быть связано его появление — чтение книги Гнедича, попытка вырваться из Михайловского, вероятное создание «Песен о Стеньке Разине» — относятся к февралю—апрелю 1825 г. Можно условно допустить, что он был написан именно в это время.

Государственный музей

А. С. Пушкина

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва

1993